

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	6
Часть I. Теоретические исследования принятия решений	8
Глава 1. Принятие решений как междисциплинарная научная категория	8
1.1. Теории и концепции принятия решений	9
1.2. Выбор как форма принятия решения	18
Глава 2. Рациональность как характеристика принятия решения	23
2.1. Определения и модели рациональности (междисциплинарный аспект)	23
2.2. Психологические исследования рациональности принятия решений	34
2.3. Соотношение категорий рационального и эмоционального в психологии	39
Глава 3. Регуляторные, когнитивные и личностные аспекты принятия решений	46
3.1. Когнитивный подход к принятию решений	46
3.2. Личностный подход к принятию решений	52
3.3. Регуляторный подход к принятию решений	56
Выводы	65
Часть II. Эмпирическое исследование рациональности принятия решений	67
Глава 1. Эмпирическое исследование рациональности принятий решений на примере ситуации политического голосования избирателей	67
1.1. Методы и организация эмпирического исследования	67
1.1.1. Разработка экспериментальной модели «Политическое голосование»	68
1.1.2. Методики диагностики индивидуальных особенностей испытуемых	76
1.1.3. Характеристика выборки испытуемых	84
1.2. Выделение групп «рациональных» и «эмоциональных» избирателей	85

1.3. Характерные особенности текстов «рациональных» и «эмоциональных» избирателей	91
Выводы	94
Глава 2. Эмпирическое исследование личностных, когнитивных и регуляторных особенностей «рациональных» и «эмоциональных» субъектов	96
2.1. Особенности саморегуляции «рациональных» и «эмоциональных» субъектов	96
2.2. Особенности личности «рациональных» и «эмоциональных» субъектов	102
2.3. Особенности интеллекта и готовности к риску «рациональных» и «эмоциональных» субъектов	113
2.4. Особенности эмоциональной сферы и личностной рациональности «рациональных» и «эмоциональных» субъектов	115
2.5. Регуляторно-личностная типология «рациональных» и «эмоциональных» субъектов	119
2.5.1. Выделение регуляторных подтипов у «рациональных» и «эмоциональных» субъектов	120
2.5.2. Характеристика личностных свойств регуляторных подтипов «рациональных» и «эмоциональных»	133
Выводы	147
Глава 3. Эмпирическое исследование влияния индивидуальных психологических особенностей субъектов на рациональность принятия решений	149
3.1. Взаимосвязь рациональности принятия решений с психологическими свойствами личности, саморегуляции, интеллекта	149
3.2. Психологические детерминанты рациональности принятия решений	158
Часть III. Эмпирическое исследование эффективности принятия решений	165
Глава 1. Психологическая специфика принятия решений специалистами в чрезвычайных ситуациях	167
Глава 2. Анализ специфики принятия решений специалистами МЧС	171

Глава 3. Роль системы осознанной саморегуляции в принятии решений в условиях чрезвычайной ситуации	178
3.1. Методологические основания исследования	184
3.2. Выборка и диагностические методики исследования	186
3.3. Разработка экспериментальной модели для оценки эффективности принятия решений сотрудниками экстремальных профессий	197
3.4. Взаимосвязь регуляторных и личностных свойств с эффективностью принятия решений в чрезвычайных ситуациях	201
3.5. Регуляторные и личностные механизмы принятия решений в чрезвычайных ситуациях	203
3.6. Регуляторные и личностные профили сотрудников с высокой и низкой эффективностью принятия решений	207
Часть IV. Развитие эффективности и рациональности принятия решений	212
Глава 1. Возможности развития рациональности и эффективности принятия решений в изменяющихся социальных условиях	212
1.1. Предложения по проведению комплексного психологического обследования специалистов экстремальных профессий	212
1.2. Программы психологических тренингов для специалистов экстремальных профессий	216
Библиография	236
Приложение 1. Стимульный материал к модели «Политическое голосование»	255
Приложение 2. Бланк методики «Политическое голосование»	262
Приложение 3. Таблицы качественного анализа текстов испытуемых	264
Приложение 4. Описание личностной типологии субъектов, принимающих решения (по Д. Кейрси)	271
Приложение 5. Анкета и практические задания для спасателей	274

ВВЕДЕНИЕ

Проблема принятия решений как междисциплинарная научная категория является объектом изучения множества дисциплин: экономики, социологии, политологии, менеджмента, математики, теории вероятности и т. д. И если социальные науки акцентируют свое внимание в основном на внешних (социальных, демографических, экономических) предпосылках принятия решений, то психология — на внутренних (регуляторных, личностных, мотивационных, когнитивных) составляющих.

В данной монографии представлен теоретический анализ психологического содержания понятия рациональности и эффективности как характеристик принятия решений, проанализированы результаты широкого круга отечественных и зарубежных эмпирических исследований и представлены авторские разработки проблемы регуляторных и личностных детерминант принятия решений (на примере ситуации политического голосования и профессиональной деятельности в условиях чрезвычайных ситуаций). Методологическим основанием исследования является субъектный подход к изучению психики человека (Рубинштейн С. Л., Абульханова-Славская К. А., Брушлинский А. В., Конопкин О. А., Петровский А. В. и др.) и представление об осознанной саморегуляции деятельности человека как системно организованном психическом процессе по инициации, построению, поддержанию, управлению всеми видами и формами внешней и внутренней активности, направленной на достижение поставленных субъектом целей [Конопкин О. А., 1980].

Исследование выполнено в лаборатории психологии саморегуляции Психологического института РАО в контексте развития дифференциального подхода к исследованию психической саморегуляции и концепции ее индивидуальных стилей (В. И. Моросанова) и представляет собой продолжение исследований, направленных на изучение специфики проявления саморегуляции в субъектных свойствах индивидуальности, а также регуляторных механизмов влияния личности человека на реализацию его произвольной активности. Применение регуляторного подхода к исследованию принятия решений в теоретическом плане развивает и обосновывает посредством эмпирических данных представления о психологических механизмах повышения эффективности и рациональности в различных видах деятельности человека (политической, профессиональной и учебной). Исследование дифференциальных аспектов

саморегуляции исследований принятия решений позволяет выйти на решение проблемы роли личностных и регуляторных особенностей человека в принятии решений. Регуляторная сфера в принятии решения обеспечивает осознанный контроль и управление своей активностью на всех этапах принятия и реализации решения, обеспечивая деятельность по планированию и программированию решения, моделированию значимых условий решения, внесение необходимых корректив в решение, оценку результатов и последствий принятого решения.

Активность субъекта в условиях социальных изменений наиболее ярко проявляется в процессе принятия решения избирателями в ходе политического голосования. В данной книге раскрыты регуляторные и личностные детерминанты рациональности принятия решений, что позволяет подойти к ответу на вопрос о том, в какой степени и в каких ситуациях российский избиратель голосует «сердцем или разумом». Полученные данные открывают возможность для повышения и развития индивидуальной рациональности принятия решений избирателей с учетом индивидуальных регуляторных и личностных особенностей.

Актуальным сегодня направлением является исследование принятия решений в чрезвычайных ситуациях, которые являются неотъемлемым фактором жизнедеятельности современного общества. Принятие решений в сложных, ответственных и неожиданных ситуациях требует от специалистов наличия высокоразвитого самообладания, устойчивости к воздействию объективных и субъективных стресс-факторов, способности эффективно осуществлять профессиональные действия в условиях ЧС. Приведенные авторами данные позволяют расширить психологические представления о возможностях повышения эффективности профессиональных действий специалистов экстремальных профессий. На основе исследования регуляторных и личностных предпосылок принятия решений были разработаны программы тренингов по развитию осознанной саморегуляции. Эти программы могут быть полезны как в практике политологов, так и специалистов ЧС, а также всех тех, кто интересуется теоретическими и практическими проблемами принятия решений.

Часть I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Глава 1. ПРИНЯТИЕ РЕШЕНИЙ КАК МЕЖДИСЦИПЛИНАРНАЯ НАУЧНАЯ КАТЕГОРИЯ

Проблема принятия решений является ярким примером междисциплинарной научной категории. Принятие решений изучается как в рамках теорий рационального выбора в экономике, социологии, математике, так и в рамках психологической науки. Отечественным исследователем А. В. Карповым выделены основные этапы исследования проблемы ПР:

– На первом этапе проблема ПР не выделялась в качестве самостоятельной области исследований и развивалась в русле философии и самой психологии (прежде всего, в связи с проблемой воли).

– На втором этапе проблема ПР получила ярко выраженную внепсихологическую разработку в ряде рационалистических концепций — в теории игр, теории статистических решений, теориях математического, экономического характера и др. Однако эта линия исследований привела к необходимости изучения субъекта, личности как основной системы, реализующей выбор. Возникает главный вопрос, который является основной причиной оформления психологической теории решений: как и почему психологические особенности субъекта приводят к «деформациям» рационального выбора; существуют ли (и если да, то какие) закономерности отхода субъекта от строгой рациональности в выборе.

– На третьем этапе, собственно психологическом, в структуре современной теории ПР ведущее место занимает ряд концепций, исследующих частные закономерности данного феномена и связанных с ним явлений: «психология познавательных уклонов» (Тверский А., Канеман Д., Словик П.), раскрывающая когнитивный аспект данного феномена; теория «ограниченной рациональности» (Саймон Г.), рассматривающая отход субъекта от «строгой рациональности» в выборе; «байесовское» направление (Райф Г., Кини Р., Ластед Л. Б. и др.), которое, аналогично направлению «человек как интуитивный статистик» (Бич Л., Петерсен К.), выдвигает на первый план аспект проблемы ПР, связанный с возможностями субъекта по переработке вероятностной

информации — «вероятностными репрезентациями»; теория «предпочтения портфелей» (Кумбс Ч.) и концепция «ожидаемого риска в смешанных лотереях» (Хуанг Л.), в которых описывается поведение субъекта в ситуациях выбора в аспекте субъективных репрезентаций риска; «конфликтно-компромиссная теория» (Левинджер Б., Шнайдер Д.), утверждающая ведущую роль в выборе механизма «уравновешивания»; теория «ситуативно-опережающего управления» (Планкетт Л., Хейл Г.); теория «оптимального предвидения» (Ланге О.); теория «социального выбора» (Эрроу К.); теория «реактивного сопротивления в выборе» (Брем Д.) и многие другие. Как справедливо отмечает А. В. Карпов, теория ПР развивается не «от психологии», а «к психологии» [Карпов А. В., 2003].

В данном разделе мы рассмотрим современное состояние проблемы ПР, делая акцент именно на психологическом подходе к ней.

1.1. Теории и концепции принятия решений

В настоящее время в психологической науке не существует какой-либо общей дескриптивной теории ПР, однако разработан ряд частных моделей, описывающих и объясняющих поведение людей в ситуациях выбора и ПР. При всестороннем рассмотрении данного вопроса отчетливо появляется необходимость интеграции всех накопленных в психологии и смежных науках сведений.

В отечественной и зарубежной литературе можно встретить многочисленные определения понятия «решение». Решение понимается и как задача, и как процесс, и как окончательный результат выбора. В частности, решение как процесс характеризуется тем, что осуществляется в несколько этапов, или стадий (подготовки, принятия и реализации решения). С другой стороны, решение как результат выбора наилучшей альтернативы представляет собой некое предписание к действию.

Г. М. Шварц считает, что ПР есть результат формирования, упорядочивания альтернатив и выбора наилучшей среди них. Тем самым, ПР является связующим звеном между ментальной сферой и тем или иным способом поведения, действия субъекта. «Процесс ПР — сознательный процесс, предполагающий предварительное четкое осознание цели, структурирование исходной проблемной ситуации, проработку различных вариантов выбора наилучшей альтернативы и использование определенных для этого методов» [Шварц Г. М., 1997. С. 37].

По мнению Р. Акоффа (1982), процесс ПР начинается с осознания проблемной ситуации и заканчивается выбором решения — действия, которое должно изменить в нужном направлении проблемную ситуацию. В структуре ПР автором выделяются следующие основные элементы: цель и совокупность целей, отражающих потребности, интересы и ценности лица, принимающего решение (ЛПР); информация, поступающая ЛПР; альтернативы достижения цели; критерии выбора альтернатив; оценка возможных последствий выбираемых альтернатив; выбор оптимального решения, т. е. решения, которое по тем или иным признакам для субъекта предпочтительнее других [Акофф Р., 1982].

При более детальном рассмотрении выясняется, что субъект, принимающий решение, — не единственный участник процесса ПР. Общая классификация участников процесса ПР, предлагаемая Г. М. Шварцем (1997), включает:

- а) носителя проблемы;
- б) лицо, принимающее решение;
- в) группы интересов и их представителей;
- г) экспертов и консультантов;
- д) референтную или несколько референтных групп.

Исследования ПР в психологии направлялись задачами соотношения уровней, целей и средств, структурирования информации и классификации ситуаций выбора. Ю. Козелецким (1979) были выделены *закрытые проблемные ситуации*, как предполагающие ПР (decision making), и *открытые*, как актуализирующие процессы решения мыслительных задач (problem solving).

В работах Т. В. Корниловой (1999–2006) сделана попытка преодолеть сложившиеся методологические расхождения в исследованиях «технологических» стратегий ПР (decision making) и аналитических приемов в решении задач (problem solving). На основе принципа функционально-уровневой регуляции ПР Т. В. Корнилова предлагает концепцию «открытости психологической модели ПР», предполагающей вариативность функциональных структур, множественность связей между различными процессами, опосредующих выбор [Корнилова Т. В., 2003]. В концепции функционально-уровневой регуляции ПР, разработанной Т. В. Корниловой, обосновано понимание психологической регуляции выбора, определяемой не только заданными условиями неопределенности, но и познавательными усилиями субъекта, актуализируемыми наряду с личностно-мотивационными компонентами процессуальной регуляции и объединяемыми термином интеллектуально-личностный потенциал.

Еще в конце 40-х годов Дж. фон Нейманом и О. Morgenштейном были сформулированы первые подходы к исследованию процессов ПР в рамках теории игр и теории оптимального управления, где предполагалось, что процесс ПР проходит в 2 этапа: построение альтернатив, их оценка и выбор оптимальной альтернативы. Само описание процессов ПР при этом сводилось к математическим задачам оптимизации [Нейман фон Дж., Morgenштейн О., 2003].

Выдающимися западными исследователями проблемы ПР являются А. Тверски и Д. Канеман. Их «*Теория перспектов*» (или «*Теория перспектив*») [Tversky A., Kahneman D., 1979] направлена на объяснение механизмов ПР с точки зрения ценностей и вероятностей и описывает поведение субъектов при ПР в условиях риска. В основе модели лежит последовательная оценка альтернатив выбора. Один из основных концептов теории — «*рамки решения*», то есть представления субъекта ПР о возможных действиях и их результатах — непредвиденных обстоятельствах, связанных с конкретным выбором. На предпочтение варианта решения влияет то, каким образом проблема оформилась в сознании индивида, в рамках каких оценочных категорий она была сформулирована. Индивид избегает риска, когда рассчитывает на получение выгод и вероятность «выигрыша» велика, и наоборот, фиксируется склонность к риску, когда преобладают ожидания поражения. В целом, «Теория перспектив» рассматривает 2 стадии процесса ПР: оформление решений, или их рамочное видение, и оценивание вариантов выбора. В «Теории перспектив» желаемая перспектива оценивается не по ее вероятности, а, скорее, по субъективному весу данной вероятности для того, кто принимает решение. А. Тверски и Д. Канеман доказывают, что в поведении индивида возникает ряд эффектов отхода от строгой рациональности: «*Эффект неопределенности*», заключающийся в том, что люди переоценивают однозначные исходы по сравнению с высоко вероятными, и «*Эффект отражения*», иллюстрирующий обратную картину предпочтений при замене в задаче слова «выигрыш» на «проигрыш». Последний эффект показывает, что в основном у субъектов наблюдается избегание риска для выигрыша и стремление к риску для проигрыша. Приобретение «навверняка» предпочитается рискованному (вероятностному) проспекту с тем же выигрышем по величине. В целом ряде эффектов, открытых А. Тверски и Д. Канеманом, показывается, что люди при ПР рассматривают не объективную, а субъективную вероятность и ценность решения [Tversky A., Kahneman D., 1979].

Принцип «*устранения по аспектам*», сформулированный А. Тверски (1972) заключается в том, что люди, принимая решение, выбирают нужный

вариант, постепенно отбрасывая менее привлекательные. Если какие-либо варианты не удовлетворяют минимальному критерию, они устраняются из рассматриваемого набора альтернативных решений [Тверски А., 1972].

Другой принцип — «*принцип субдополнительности*» А. Тверски и Дж. Фокса [Tversky A., Fox J., 1995] посвящен уточнению разницы между понятиями риска и неопределенности. Решения в ситуации неопределенности, согласно данному принципу, требуют субъективной оценки двух атрибутов альтернатив:

- а) желательности возможных исходов;
- б) вероятности их наступления.

А. Тверски и Дж. Фокс показали, что люди в ситуации выбора между «лотереями» (т. е. неопределенными исходами) и «надежными исходами» нарушают принципы максимизации полезности выигрыша и отказа от риска.

Математическая модель ПР, дающая метод оценки гипотез об изменении величины вероятности, была разработана Т. Байесом (1763) и получила название «*Теоремы Байеса*», отраженной в формуле: $P(H|E) = \frac{P(E|H)P(H)}{P(E)}$, где $P(H|E)$ — это вероятность того, что верна гипотеза (H) при наличии условия E. Оценка вероятности субъектом при этом основана на эвристике, которая может привести как к правильному, так и к ошибочному решению.

В экологическом подходе Г. Гигеренцера [Gigerenzer G., 1996], напротив, оспаривается вероятностный взгляд на ПР и утверждается, что в ходе эволюции человек не сталкивается с вероятностным представлением информации. В реальности он всегда имеет дело только с частотами, а именно, с частотой встречаемости того или иного события. Именно поэтому естественная для человека форма представления информации, по мнению Г. Гигеренцера, — частотная, а не вероятностная, что подтверждается многочисленными экспериментами исследователя.

Ж. Пейн [Payne J., 1976] в своей работе, посвященной решению проблем, также указывает на наличие тенденции смены стратегий лицом, принимающим решение, в соответствии с требованиями задачи.

Искажения в логической компетентности человека при ПР широко представлены в исследованиях эвристических приемов ПР, снижающих информационное обоснование выбора. Многочисленное направление психологических исследований ориентировано на описание используемых субъектами *эвристических стратегий* ПР, описывающих правила и способы ПР с учетом факторов риска и неопределенности. В эвристических приемах субъективные репрезентации оказываются ведущими,

по сравнению с объективными данными. Люди часто используют эвристические стратегии, которые, хотя и не гарантируют достижения желаемых результатов, но, как правило, отличаются простотой и не требуют больших ментальных затрат. Можно выделить две основные группы эвристических стратегий: *стратегии компенсации* — сопоставление достоинств и недостатков имеющихся альтернатив («аддитивная стратегия», «стратегия идеальной точки»); и *стратегии исключения*, направленные на исключение из рассмотрения как можно большего количества вариантов решения («стратегия доминирования», «конъюнктивная стратегия», «дизъюнктивная стратегия», «лексикографическая стратегия»). В литературе по ПР [Kahneman D., Tversky A., 1979; Tversky A., Fox J., Cooper R., 1997; Eysenck M. W., Kean M. T., 1993] можно встретить описания таких эвристических стратегий и приемов, как «эвристика репрезентативности», «закон малых чисел», «закон ошибки игрока», «эффект нерегрессивного прогноза», «эвристика доступности», «эффект наглядности», «иллюзия контроля», «феномен валентности» («эффект Ф. Ирвина»), «феномен сложных событий», «якорный эффект», «эффект восприятия риска» («феномен М. Стара»), «инерционный эффект», «эффект самоукрепления первой альтернативы», «эффект консерватизма», «эффект реактивного сопротивления», «феномен диссонанса», «эффект трудности-легкости», «эффект склонности к подтверждению», «эффект дополнительной альтернативы» и т. д. При этом субъекты, как правило, не ограничиваются какой-либо одной стратегией, а используют различные их сочетания.

В связи с усложнением общественной жизни и социальных институтов, решения все чаще принимаются не одним лицом, а группами лиц. Установлено, что уровень риска решений, предпочитаемых группой, отличается от среднего риска, допускаемого индивидом. При этом группа может принимать решения с большим уровнем риска (явление сдвига риска). В литературе можно встретить описания эффектов, или эвристик группового ПР: «эффекта поляризации», «эффекта группового мышления», «эффекта социальной фасилитации», «феномена выученного диссонанса», «эффекта асимметрии качества решений», «феномена ложного согласия», «эффекта конформизма», «эффект влияния меньшинства» и др. [Kahneman D., Tversky A., 1979; Tversky A., Fox J., Cooper R., 1997; Eysenck W., Kean M. T., 1993].

Таким образом, принимая решения, люди демонстрируют искажения вероятностных оценок событий, зависимость выбора от контекста, всевозможные упрощения проблемы, связанные с потерей информации, подмену частотного оценивания событий уверенностью в их наступлении

и рядом других нерациональных особенностей, т. е. демонстрируют не вполне рациональное поведение.

Понятие ПР в психологических исследованиях почти всегда связано с понятиями *неопределенности* и *риска*. Ситуация риска предполагает существование как объективных, так и субъективных предпосылок его восприятия. Субъективная сторона риска связана с выбором альтернатив, расчетом вероятностей их исхода, неодинаковым восприятием различными субъектами одной и той же величины риска. Вместе с тем риск объективен, поскольку является формой количественного и качественного выражения реально существующей неопределенности для индивида.

Следует отметить, что исследование ПР было бы неполноценным в отрыве от исследования категории *неопределенности*. Многими авторами подчеркивалась необходимость исследования ПР в ситуации неопределенности, неполной информированности, в меняющихся условиях [Тихомиров О. К., 1992; Дернер Д., 1997]. Аспекты феномена неопределенности затрагиваются в таких областях, как вероятностное прогнозирование [Фейгенберг И. М., Журавлев Г. Е., 1977; Ширяев Д. А., 1999 и др.], исследования антиципации [Рубинштейн С. Л., 1958; Ломов Б. Ф., Сурков Е. Н., 1980; Ядов В. А., 1979], психология мышления [Брушлинский А. В., 1979; Мазилова Г. Б., 1991], психология ПР [Котик М. А., Емельянов А. М., 1992], психофизиология [Чароян О. Г., 1987], психофизика [Забродин Ю. М., Голубинов В. В., 1988, 1991], медицинская психология [Коростелева И. С., Ротенберг В. С., 1990; Языкова Т. А.; Зайцев В. П., 1990].

В зарубежной литературе феномен неопределенности рассматривается в исследованиях целеустремленных систем [Акофф Р., Эмери Ф., 1974], в теории принятия рациональных решений и в психологической теории ПР [Козелецкий Ю., 1979], в исследованиях мотивации [Apter М., 1982; Berlyne D. E., 1960; Kagan J., 1972] и др.

Отечественный исследователь А. В. Тягунов отмечает, что ситуация, требующая ПР, характеризуется как ситуация неопределенности, а процедура ПР сводится к приемам (закономерностям) устранения неопределенности [Тягунов А. В., 1999]. Автор выделяет два представления о неопределенности:

а) неопределенность исхода, когда известны альтернативы выбора и вероятности наступления исходов;

б) неопределенность, вызванная неуверенностью в наступлении события, когда вероятности наступления исходов субъекту неизвестны.

Различные теории и модели ПР рассматривают разные источники неопределенности, однако в большинстве своем они включают описания условий и способов (процедур) устранения объективных источников неопределенности.

В качестве источников неопределенности информационной природы могут выступать объективные дефицит или избыточность информации, дефицит времени поступления или обновления информации, объективный или субъективный дефицит времени на распознавание, анализ и оценку информации, субъективная неопределенность, определяемая семантическими или прагматическими характеристиками информации [Цыгичко В. Н., 1996].

Д. Н. Завалишина, основываясь на представлении о структуре деятельности как цепочке «цель — средство — результат», предполагает, что любая из указанных составляющих может быть источником неопределенности [Завалишина Д. Н., 1985]. Использование такого концептуального подхода позволило автору разработать классификацию типов задач (по источнику неопределенности) и процедуру оценки их сложности (по количеству элементов структуры, являющихся источниками неопределенности).

О. И. Волков выделяет следующие внутренние источники неопределенности [Волков О. И., 1987]:

а) когнитивный компонент — содержание отражения в субъективном образе отдельных свойств и характеристик реальности, свойств целостных объектов или явлений, а также их связей и отношений;

б) компонент субъективного опыта, включающий знания, умения, навыки;

в) мотивационный компонент, раскрываемый через мотив, цель и задачи деятельности;

г) операционная составляющая деятельности — планы, стратегия и тактика.

Выявление источников неопределенности позволяет понять, как для субъекта формируется представление о ситуации, о будущем результате действия, а так же о том, что может помешать ему действовать и получать требуемый результат.

При определении и раскрытии основных механизмов ПР как процесса, исследователи чаще всего приходят к необходимости выделения его структуры и описания основных этапов и процедур.

Отечественный исследователь Г. М. Шварц предлагает следующую общую схему формирования решения: выделение исходного проблемного

пространства, структурирование проблемного пространства и формулировка проблемы, выделение иерархии целей, поиск альтернатив достижения целей, выбор критериев, оценка альтернатив, выбор оптимального решения, реализация решения, оценка принятого решения. При этом автор отмечает, что приведенная схема отображает процесс ПР лишь в упрощенном виде, т. к. очевидно, что реальный процесс предполагает определенную параллельность выполнения процедур, уточнение и корректировку с учетом новой информации [Шварц Г. М., 1997].

Интересна классификация решений В. В. Дружинина и Д. С. Конорова (1989), в которой выделяются три типа ситуаций ПР:

а) информационные ситуации — диагностирование самой ситуации (ответ на вопрос: «что истинно?»);

б) оперативные ситуации («как действовать?»);

в) организационные ситуации: («какой должна быть система и как должны быть распределены функции в ней?»).

Информационные решения — это представление о том, что происходит или может произойти (своего рода модель). По мнению авторов, это не решения в строгом смысле слова, а именно сформулированные субъектом представления, которые характеризуются: продуктивным, творческим характером, построением гипотез решения.

Что касается структуры процесса ПР, то компонентный состав ПР у разных исследователей варьирует. С. Плаусом в работе «Психология оценки и принятия решений» (1998) была сделана попытка выделить основные общие составляющие процесса ПР. Такими составляющими, по мнению С. Плауса, являются цель или целевая функция, сформулированная в явном виде или подразумеваемая; альтернативы — как гипотезы, исходы, ценности, информация; критерии — как оценки исходов, ценностей, информации; стратегия — как схема оценки альтернатив, исходов, ценности, информации, критериев и т. д.; выбор — как сокращение альтернатив до одной и правила — как конкретная последовательность оценок для обеспечения выбора [Плаус С., 1998].

А. В. Карповым (1999) сформулирован ряд принципов организации ПР. Автор подчеркивает, что процессное представление — это лишь одна из форм, которую могут принимать решения, но чаще не принимают, реализуясь существенно иначе. Процессы ПР, по мнению А. В. Карпова, организуются не по типу интеграции жестко заданных этапов (стадий), а по типу дифференциации исходно целостного и нерасчлененного образования, причем только на те этапы, которые необходимы и достаточны для выработки и ПР. Суть функционального генеза процессов ПР,

согласно А. В. Карпову, заключается в дифференциации изначально целостной процессуальной системы на ее компоненты. При этом процесс ПР предстает как закономерно организованная динамика специфически временной системы, которая подчиняется основным принципам процессуальной организации:

а) *Принцип минимально достаточной дифференциации*: процесс дифференцируется лишь на такое количество этапов, которое необходимо и достаточно для достижения результата — ПР.

б) *Принцип целевой детерминации*: цель по отношению ко всему процессу ПР является системообразующим фактором. При этом весь процесс разворачивается не от начала к концу, не от условий к результату, а наоборот — от цели (как идеального образа результата — требуемого решения) к процессу. Именно целевая детерминация обеспечивает скоординированность всех этапов решения, их взаимосвязь и достижение конечного результата.

в) *Принцип иерархичности*, состоящий в том, что отдельные этапы процесса ПР являются различными по своей значимости и соподчинены в соответствии со структурой процесса. Этапы формирования субъективного представления о задаче выбора и собственно выбор альтернативы включены в процесс решения практически при любой степени его дифференциации; они характеризуются максимальной значимостью, образуют высший уровень иерархии этапов. Другие же этапы — формирование критериев, оценки альтернатив и др. — могут либо включаться в процесс, либо нет, в зависимости от сложности конкретной ситуации.

г) *Принцип итеративности*, означающий такую организацию процесса, которая допускает не только его «линейное», однонаправленное разворачивание, но и многократные возвраты с последующих этапов на предыдущие, сканирование содержания прошедших этапов в свете содержания последующих. Благодаря этому становится возможным обмен содержанием между различными фазами решения, что существенно оптимизирует весь процесс. Такой обмен является также и необходимым условием целостности и внутренней согласованности процесса ПР [Карпов А. В., 1999].

А. В. Карпов подчеркивает, что вся организация процесса ПР, проявляющаяся в последовательности его этапов, регулируется определенными закономерностями — *принципами функционального генезиса*. Благодаря им, процессы ПР обретают системность организации не только в структурном, но и в функциональном плане. А. В. Карповым также отмечается, что при рассмотрении проблемы ПР в связи с исследованиями психологии деятельности формулируется принципиальный вопрос,

связанный с неопределенностью деятельностного статуса ПР, которое рассматривается и как этап, и как звено, и как функциональный блок, и как составляющая деятельности. В итоге ПР выступает как полифункциональное образование [Карпов А. В., 1999].

В целом проблема структуры и организации процесса ПР требует дальнейшего уточнения и разработки. В рамках данного исследования ПР будет рассматриваться нами как выбор субъектом одной из заданных альтернатив. Для этого мы считаем необходимым более подробно рассмотреть и проанализировать существующие исследования выбора как формы ПР.

1.2. Выбор как форма принятия решения

С позиций теории ПР, выбор рассматривается и как самостоятельная форма ПР, и как один из элементов или звеньев процесса ПР. В научных трудах мы встречаем различные трактовки понятия «выбор». Чаще всего описание выбора сводится к характеристике простого выбора, как это представлено в работах Ю. Козелецкого, Ю. Н. Кулюткина, И. Г. Скотниковой, П. Скотта, Г. Н. Солнцевой и др.

Д. А. Леонтьев, Н. В. Пилипко (1995) рассматривают выбор как сложно организованную внутреннюю деятельность, имеющую свою мотивацию, операциональную структуру, обладающую внутренней динамикой, чувствительную к особенностям объекта и регулируемую субъектом. Эти авторы характеризуют выбор как деятельность, детерминированную, с одной стороны, материальными и социальными условиями жизни, а с другой — особенностями личности субъекта выбора. Причем влияние внешних, объективных условий, исходя из представлений А. Н. Леонтьева о внешней и внутренней деятельности, преломляется через внутренний мир субъектов [Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В., 1995]. Эти авторы выделяют 3 разновидности выбора:

а) *Простой выбор* как самую простую разновидность выбора, имеющую место в ситуации сравнения ряда альтернатив по известному субъекту критерию, хотя этот критерий не обязательно четко сформулирован. Смысл данного выбора, как правило, состоит в определении оптимального пути осуществления деятельности, направленной на достижение некоторого результата. Задача субъекта в данном случае состоит в определении того, какая из альтернатив лучше всего соответствует заданному критерию, чтобы предпочесть ее остальным.

б) *Смысловой выбор* — наиболее сложная разновидность выбора, когда критерии для сравнения альтернатив не заданы изначально и испытуемому самому предстоит их конструировать (выбор профессии, выбор супруга, выбор товара и др.). Субъект должен найти общие основания для сопоставления качественно разных альтернатив и сформулировать критерии их оценки, по отношению к которым альтернативы приобретают тот или иной смысл. В качестве примера можно привести хорошо развитые на Западе исследования потребительского поведения (*consumer behavior*), описывающие убеждения, установки и намерения потребителей. Перед субъектом в данном случае стоит задача определить для себя смысл каждой из альтернатив, локализовать ее в своем «жизненном мире».

в) *Личностный, или экзистенциальный выбор*. Речь идет о жизненно важном выборе в критических ситуациях, когда субъекту не даны ни критерии сравнения альтернатив, ни сами альтернативы. Он должен сам конструировать эти альтернативы вместе с будущими возможными последствиями выбора той или иной из них, и на основании анализа возможностей реализации выбранной альтернативы делать свой выбор. Это выбор одного из возможных в данный момент «будущих». «Направо пойдешь — коня потеряешь...» [Леонтьев Д. А., Пилипко Н. В., 1995. С. 98].

Ряд отечественных психологов рассматривает выбор как форму волевого действия. Проблему происхождения и формирования волевого действия, структуры волевого акта анализировали И. П. Павлов, Ш. И. Чхартишвили, В. А. Иванников, Л. М. Веккер, А. Ц. Пуни, В. И. Селиванова, Г. Л. Тульчинский, Д. А. Леонтьев, Е. П. Ильин и др. По мнению Г. И. Челпанова (1926), воля есть выбор одного из нескольких побуждений. Л. С. Выготский видел в выборе саму суть волевого акта [Выготский Л. С., 1982].

Специфика *личностного выбора* раскрыта в контексте философско-психологической категории поступка [Бахтин М. М., 1986; Зинченко В. П., Моргунов Е. Б., 1994; Леонтьев А. Н., 2001; Столин В. В., 1983; Соколова Е. Е., 1999; Петухова В. В., 1994; Асмолов А. Г., 2001; Василюк Ф. Е., 1997; Эльконин Д. Б., 1989].

С. Л. Рубинштейну (1989) принадлежит одна из первых психологических схем принятия решения личностью. Он выделяет четыре этапа личностного выбора (поступка):

- а) возникновение побуждения и предварительная постановка цели;
- б) стадия обсуждения и борьба мотивов;
- в) решение;
- г) исполнение.

По С. Л. Рубинштейну, возникший на первой стадии конфликт мотивов должен на втором этапе разрешиться выбором одного из них и «торможением» оставшихся. Подобный выбор связан с всесторонним «взвешиванием» поставленных целей и их обсуждением, что предполагает значительную работу интеллектуальных процессов. На третьем этапе человек «совершает выбор одного из мотивов в качестве решающего, окончательно выбирает цель своего действия, осознает последствия этого действия и ощущает чувство ответственности за него» [Рубинштейн С. Л., 1989. С. 34].

Н. Ф. Наумовой (1988) выделяются следующие условия ограничения свободного выбора:

а) детерминация — ограничение прошлым (причины как ограничение);

б) телеологичность — ограничение будущим;

в) необратимость — ограничение настоящим;

г) непротиворечивость — ограничение логикой;

д) иерархичность — ограничение ресурсом;

е) несравнимость — ограничение качеством.

Также Н. Ф. Наумова формулирует основные принципы стратегического выбора на уровне индивидуальности: альтернативность, антинормичность, неоптимальность, неопределенность, структурирование субъективного времени [Наумова Н. Ф., 1988].

М. Папуш в своей работе «Психотехника экзистенциального выбора» (2001) пишет: «В ситуации экзистенциального выбора человек оказывается в точке пересечения двух или нескольких несогласованных, живущих по своим законам действительностей» [Папуш М., 2001. С. 367]. Автор выделяет следующие свойства экзистенциального выбора:

а) самостоятельность;

б) спонтанность;

в) целостность;

г) очевидность.

«Личность — это не мышление и прочие функции, личность — это выбор», — подчеркивает М. Папуш [Папуш М., 2001. С. 345].

Ф. Е. Василюк предлагает психотехнический подход к проблеме личностного выбора. В качестве концептуальной системы координат Ф. Е. Василюк избирает разработанную им типологию «жизненных миров» [Василюк Ф. Е., 1984]. Выделив «чистую культуру выбора», Ф. Е. Василюк описывает его операциональную структуру, в которой к личностному выбору имеет отношение только один вариант жизненного мира,

называемый автором «внутренне сложным и внешне трудным, или творческим жизненным миром» [Василюк Ф. Е., 1984. С. 298]. В этом жизненном мире субъект, по мнению автора, находится в крайне непростой ситуации — с одной стороны, исходя из принципиальных, ценностно-смысловых оснований, он должен сделать выбор между двумя жизненными отношениями, вступившими в противоречие, с другой стороны — выбор должен быть реалистичным и реализуемым. В качестве одного из основных условий «чистой культуры выбора» автором выделяется «ценностность». В целом Ф. Е. Василюк представляет личностный выбор как «живую структуру», по отношению к которой все реализующие его операции выступают в качестве функциональных органов. С точки зрения Ф. Е. Василюка, «личностный выбор по сути парадоксален, и поэтому до конца не рационализуем» [Василюк Ф. Е., 1997. С. 293].

Р. Ассаджиоли (1994) принадлежит модель «законченного волевого акта», которая раскрывается в следующих фазах:

- а) трехкомпонентная фаза (задача — цель — намерение; оценка; мотивация);
- б) фаза рассмотрения, обдумывания, взвешивания;
- в) фаза принятия решения («примерка» — в связи с необходимостью выбора одной из альтернатив. Трудность принятия решения заключается в том, что оно предполагает ответственность субъекта);
- г) утверждение в решении;
- д) планирование, организация деятельности в соответствии с четко намеченной программой;
- е) направление выполнения решения (фаза контроля).

О целенаправленном проектировании будущего как одном из условий осуществления осознанного личностного выбора пишут ряд отечественных авторов, представленных в сборнике «Lifeline и другие новые методы психологии жизненного пути» (1993).

Согласно взглядам Р. Мэя, страх перед неизвестным, неупорядоченным возникает в «результате раскола между «я» и окружающим миром, раскола, происходящего в момент встречи» [Мэй Р., 2001. С. 83].

Общим звеном для большинства приведенных моделей, необходимым условием осуществления и реализации личностного выбора выступает проявление такого личностного качества, которое П. Тиллих назвал «мужеством быть» [Мэй Р., 2001].

В данном исследовании выбор рассматривается нами как форма процесса ПР, проявляющаяся в предпочтении субъектом выбора одной из множества имеющихся альтернатив. Выбор — это сложный внутренний

мыслительный процесс, который требует от выбирающего субъекта достаточных знаний о предмете, осознания своих целей и желаний, адекватных представлений о возможности их достижения и вероятных последствий. Выбор — это поиск оптимального пути к цели, состоящий из ряда определенных и осознанных действий.

Сегодня задача исследования психологических механизмов выбора является актуальной не только с точки зрения научных исследований. Данная проблема стоит не менее актуально и в прикладном аспекте, и, прежде всего, в аспекте исследования политической жизни общества. Каков психологический механизм выбора гражданами общественно-политической позиции? Какие объективные и субъективно-психологические факторы определяют выбор избирателем определенных политических ориентаций? В какой мере его выбор является сознательным, рациональным и в какой мере совершается спонтанно — под влиянием устоявшихся стереотипов, неосознанных потребностей и эмоций, социального окружения? — таковы основные вопросы, волнующие сегодня политологов и политических психологов. В данном исследовании мы попытаемся дать на них свои ответы. В рамках исследования будут рассмотрены именно психологические детерминанты рационального выбора на примере ситуации политического голосования избирателей. Для этого, прежде всего, стоит определиться с тем, что же понимать под самим понятием «рациональность». В следующем разделе будут рассмотрены основные определения и теории рациональности и рационального выбора, существующие не только в психологии, но и в смежных науках. Это позволит уточнить и конкретизировать именно психологическое содержание понятия «рациональность».

Глава 2. РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ХАРАКТЕРИСТИКА ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЯ

Не будет преувеличением сказать, что проблема рациональности занимает одно из центральных мест в истории развития человеческой культуры. В разуме, в его функциях человек видит один из инструментов овладения предметным содержанием мира, преобразованием его в своих интересах. Несмотря на то что споры вокруг рациональности в социальных, гуманитарных и технических науках не утихают и становятся все более острыми, а массив литературы, посвященный данной теме, продолжает увеличиваться, до сих пор нет ни общепринятого определения понятия рациональность, ни согласия в том, что считать проблемой, связанной с этим понятием.

Многозначное и многостороннее понятие рациональности находит свое определение практически в каждой из наук, объектом исследования которых является индивид или общество. В философии рациональность означает теоретическое знание, отражающее сущность вещей и явлений окружающего мира, законы происхождения, функционирования и развития. В экономической области рациональность рассматривается как путь производственно-технической деятельности с наименьшими затратами и отклонениями. Понятие рациональность в социальной сфере характеризует деятельность субъекта в соответствии с нормами общественной значимости, с идеалом разумных потребностей.

Для более полного и всестороннего рассмотрения данного феномена, определения понятия и критериев рациональности, нам представляется необходимым провести теоретический анализ всей накопленной литературы по данной тематике в различных областях научного знания.

2.1. Определения и модели рациональности (междисциплинарный аспект)

При обсуждении проблемы рациональности мы прежде всего сталкиваемся с многозначностью этого понятия. К. Хьюбнер (1994), к примеру, различает четыре значения понятия рациональность (логическая, эмпирическая, оперативная и нормативная), а Г. Ленк в работе «Типы и семантика рациональности» (1998) приводит 21 значение рациональности —

что является свидетельством пристального внимания исследователей к данной проблеме. Существует огромное количество классификаций рациональности: инструментальная и субстантивная (А. Сен), процедурная и субстантивная (Г. Саймон), субъективная и объективная (Р. Будон), сознательная и бессознательная (Й. Шумпетер), рациональность в широком и узком смысле слова (Ю. Эльстер).

Анализ экономического поведения людей в рамках модели «*homo economicus*» предполагает использование постулата о рациональном экономическом поведении, в основе которого лежит стремление индивидуума получить максимальный результат при минимальных затратах в условиях ограниченности используемых возможностей и ресурсов. Естественно, что для реализации своего рационального поведения индивидуумы должны обладать определенной свободой выбора.

В экономических моделях различают полную, ограниченную и процедурную рациональность. В первом случае предполагается, что человек наилучшим из возможных способов использует всю имеющуюся информацию для получения максимума выгод при минимуме затрат. *Исчерпывающая, полная рациональность* (total rationality) присуща поведению «экономического человека», обладающего релевантным знанием о свойствах внешней среды, четко организованной и стабильной системой предпочтений, способного проранжировать альтернативные стратегии своего поведения.

В противовес рациональной модели экономического человека Г. Саймон (1957) выдвинул теорию «*ограниченной рациональности*», главный принцип которой заключается в концепции «удовлетворения», когда индивид стремится достичь некоторого удовлетворительного (оптимального, но не обязательно максимального) уровня успеха при ПР. Именно начиная с этого периода, проблемная ситуация, требующая разрешения, определяется как задача. В соответствии с классическими канонами, предполагается существование нескольких альтернатив решения, процедуры выбора наилучшей альтернативы, а также критериев, посредством которых осуществляется оптимальный выбор. Рациональность «административного человека» признается существенно ограниченной, т. к. он выбирает не лучшую, а лишь удовлетворительную стратегию из набора имеющихся альтернатив [Саймон Г., 1957]. Здесь можно вспомнить о принципе «бритвы Оккама», позволяющем показать, что поведение людей соответствует и оптимизирующим процедурам и процедурам получения удовлетворительных результатов. Ограниченная рациональность отражает невозможность при принятии решений

использовать всю полноту имеющейся информации из-за трудностей в ее сборе и анализе. В этом случае решения принимаются субъектом отчасти на основе опыта, интуиции и пр., а чистый выигрыш (т. е. разница между общими выгодами и общими издержками) в данном случае значительно меньше [Макконнелл К., Брю С., 1966].

Принцип *процедурной рациональности* применим к проблемам, возникающим при постановке целей, обеспеченных средствами достижения, либо целей, для которых нет прямых средств достижения, но существуют средства, которые для этого можно приспособить. Данный принцип, предложенный Г. Саймоном (1978), И. Джэнисом и Л. Манном (1977), дает не только эффективный подход к выработке решения, но и к оценке качества решения до начала его воплощения в жизнь. Для этого надо оценить качество (рациональность) проведенной процедуры ПР. Как правило, рациональная процедура выработки решения состоит из следующих фаз компетентного выяснения, сбора и обработки сведений:

- обрисовка всевозможных альтернативных видений проблемы и их оснований, уяснение совокупности целей;
- выявление условий и факторов реализации целей, а также методов и средств, которые прямо пригодны или могут быть понятным образом приспособлены для решения проблемы;
- формулирование проблемной ситуации (уточнение и детализация целей; задание ограничений; определение критериев, по которым следует судить о предпочтительности того или иного варианта решения проблемы, и их приоритетности);
- генерирование вариантов решения, обеспечивающих достижение целей и удовлетворяющих ограничениям, перечисленным выше;
- прогнозирование последствий принятия каждого из вариантов (если в этом присутствует неопределенность), оценка вариантов по установленным критериям;
- агрегирование отдельных оценок в суммарные оценки вариантов по всем критериям;
- выбор наиболее предпочтительного варианта решения.

Предпосылкой выделения еще одного типа рациональности, *интерпретативной рациональности*, стала проблема поиска общего основания для интерпретации социального действия индивида в контексте различных институциональных подсистем. Интерпретативная рациональность означает «способность к сохранению согласованного характера действий участников группы через выработку понятных для всех участников ориентиров» [Livet P., Thevenot L., 1994; Олейник А., 1997].

Наиболее распространенной моделью отношений такого рода является «дилемма узника».

В экономических моделях рациональности подразумевалось, что индивид изначально обладает выработанной некой субъективной шкалой предпочтений и ему известна его собственная позиция. В действительности же подобная осознанность при ПР является скорее исключением, нежели правилом. Более того, уже сформулированная система предпочтений не является неизменной, статичной, а подвержена изменениям и перестройкам в ходе индивидуального развития и социализации.

Таким образом, в рациональном поведении важен не столько выбор лучшей альтернативы в соответствии с имеющейся шкалой предпочтений, сколько, прежде всего, процесс формирования самой этой шкалы. Исследования шкалы предпочтений представлены в работах Т. Скитовски (1995) и А. Пигу (1998), исследующих обратное явление — нерациональность потребителя при ПР. Западный исследователь Б. Коэн также полагает, что совершенно неразумно ожидать от обычных людей умудренности в законах вероятности и статистики, и что законы логики и рациональности при ПР не относятся к поведению обычного человека [Cohen B., 1981].

Принятие индивидом нерациональных решений связано отчасти с неполнотой информации, заблуждениями или игнорированием имеющихся сведений. А если считать, что информация, имеющаяся у субъекта, всегда будет неполной, в силу постоянно меняющейся ситуации, и полная рациональность представляется в принципе не достижимой, то вопрос сводится лишь к тому, какая информация лежит в основе конкретного решения.

Согласно типологии М. Вебера, только сознательные ориентации на конечные результаты и сознательный выбор средств их достижения признаются рациональными [Weber M., 1951]. Они отличаются от традиционно «нерационального» и аффективного поведения. По мнению Г. Беккера, в большинстве случаев рациональным считается просто традиционное поведение [Becker G., 1976].

Важным элементом рациональности также признается критерий поиска информации. Дж. Стиглер утверждал, что поиск информации (сознательно или бессознательно) оптимизируется субъектом таким образом, чтобы предельный доход от дополнительной единицы информации был соотносим с затратами на получение этой дополнительной единицы [Stigler J., 1961].

Г. Беккер в «Трактате о семье», пытаясь объяснить логику, согласно которой люди выбирают себе пару в условиях временных ограничений

и неопределенности, утверждает: «Если потенциальная выгода от дополнительной единицы информации превышает издержки получения информации о партнере, или получения представления о других потенциальных партнерах, поиск информации продолжается. Поиск прекращается, когда предельные издержки становятся равными предельным выгодам» [Becker G., 1991. 125 p.].

Важными характеристиками рациональности в теориях рационального выбора являются: индивидуалистический характер, ограниченность и субъективность. П. Абель выделяет следующие основные предпосылки рациональности [Abell P., 1992]:

- а) индивидуализм;
- б) оптимальность;
- в) забота о себе.

Принцип методологического индивидуализма в теориях рационального выбора связан с именами Т. Гоббса, Б. Мандевиля, А. Смита, А. Фергюсона, К. Менгера. Ключевая идея данного подхода такова: чтобы спрогнозировать то или иное действие, необходимо сосредоточить внимание на субъекте этого действия. Большинство теоретиков рационального выбора занимают промежуточную позицию между «эгоистическим» и «этическим» подходами, полагая, что рациональные индивиды преследуют собственные интересы, но в рамках определенного нравственного поведения.

Для М. Вебера (1990) рациональность эквивалентна расчету наиболее выгодного и прибыльного поведения. По его мнению, основанием рационального поведения являются следующие моменты:

- а) выбору индивида предоставляется несколько различных вариантов деятельности;
- б) доступна информация, позволяющая предвидеть результаты деятельности;
- в) определены критерии предпочтения того или иного выбора.

Индивид в теориях рационального выбора всегда действует рационально, т. е. при всевозможных обстоятельствах пытается максимизировать свою выгоду. Предполагается, что, действуя в группе, индивид также будет следовать своему интересу, а не интересу групповому («проблема зайца»).

Таким образом, человеку, чувствительному к окружающей среде, пассивно интернализирующему нормы в процессе социализации, исполняющему системные роли и осуществляющему адаптивное поведение, теория рационального выбора противопоставляет «нацеленного провокативного агента, максимизатора своих частных интересов» [Shepse, 1989. 133 p.].

Д. С. Мюллер, напротив, не принимает в расчет мотивации, направленные на индивидуальный интерес, и прибегает к ослаблению гипотезы рациональности. Он рассматривает различные социальные институты (образование, окружающий мир, религиозная принадлежность, стабильность групп и т. п.) как оказывающие существенное влияние на формирование чувства долга у индивидуального фактора [Mueller D. S., 1979].

М. Олсон исследовал рациональность поведения индивидов в группах. Основные идеи, изложенные им в работе «Логика коллективных действий» (1965), можно суммировать в следующих тезисах:

- В больших группах необходимы какие-либо средства принуждения или поощрения, чтобы обеспечивать коллективное благо.

- В малых группах существует тенденция к «эксплуатации» большинства меньшинством, т. е. менее заинтересованные члены надеются получить большую выгоду за счет более заинтересованных [Olson M., 1965].

«Логика коллективных действий» М. Олсона анализируется отечественным исследователем В. В. Радаевым, который указывает, что квалификация людей, солидарность, массовая информация, оценки экспертов и фактор времени также оказывают немаловажное влияние на рациональность коллективного действия [Радаев В. В., 1996].

Для определения рационального ПР необходимы более строгие критерии и постулаты рациональности. Теорией рационального выбора предлагается два таких постулата: *постулат последовательности*, который гласит, что для принятия рационального решения следует упорядочить совокупность альтернатив с точки зрения предпочтений лица, принимающего решение, и *постулат максимизации*, который утверждает, что окончательным условием рационального решения является выбор действия, максимизирующего целевую функцию того, кто решает задачу.

П. Одершук говорит о двух основных предпосылках рационального выбора:

а) люди могут стремиться расположить имеющиеся в конкретной ситуации варианты в порядке значимости, начиная наиболее и кончая наименее предпочтительными;

б) поведение людей становится более понятным, если допустить, что они всегда действуют в целях максимизации собственной удовлетворенности [Одершук П., 1994. 27 с.].

Теория игр, разработанная в 40-е годы Дж. фон Нейманом и О. Моргенштейном (1970) применительно к экономическому поведению, фактически выступила продолжением и математическим оформлением теории рационального выбора. По мнению авторов, и коллективное

действие, и общественный выбор обнаруживают все формальные признаки игры-торга с n -участниками: наличие у игроков набора стратегий — «ходов», индивидуальных предпочтений и заданных исходов-вознаграждений, а также возможность нахождения коллективного исхода — точки равновесия, где каждый из игроков использует оптимальную стратегию. Использование концептуального аппарата теории игр привело к переосмыслению самой концепции «рационального выбора» и к более четкой формулировке противоречий между индивидуальной и коллективной рациональностью. Самым известным проявлением этого противоречия стала «дилемма узника». Таким образом, в экономических и социальных моделях рационального выбора индивид всегда действует, преследуя цель получения максимально возможной пользы. «В ситуации, где правит рациональность, поведение обязано быть только оптимальным» [Вебер М., 1990. С. 194].

Модели, разработанные для объяснения экономического поведения человека, были успешно применены и в политической сфере. «Гипотеза о рациональных выборах» Э. Даунса основана на постулате о том, что избиратель принимает участие в выборах, если его личная польза от участия в голосовании превышает понесенные издержки. Согласно Э. Даунсу, политик предлагает определенную программу, подобно тому как продавец предлагает набор товаров, при этом политик рассматривается Э. Даунсом как «максимизатор» голосов избирателей, а избиратель — как лицо, голосующее за партию, отвечающую его интересам [Downs, 1957]. Э. Даунс пишет: «Предположим, что один мужчина отдает предпочтение партии А из политических соображений, но его жена выражает гнев, если он не голосует за партию Б. Для него лично совершенно рационально голосовать за партию Б, в том случае, если для него свобода от ярости жены более ценна, чем победа партии А над Б» [Downs, 1957. 38 p.]

В. Райкер и П. Одершук, напротив, установили, что с точки зрения личного интереса электоральное поведение не является рациональным. Этот феномен был назван «парадоксом голосования» [Riker, Odershook, 1973].

В. Парето рассматривает рациональность в качестве объективного критерия: «Мы назовем такие действия рациональными, которые логически сочетают достижение цели не только с точки зрения непосредственных участников, но также и с точки зрения тех, кто обладает большей информацией» [Pareto В., 1917. 150 p.]. Поэтому большую часть общественных действий В. Парето рассматривает как нерациональные, нелогичные.

Дж. Бьюкенен (1997) считает, что «...политика есть сложная система обменов между индивидами, в которых последние коллективно стремятся к достижению своих частных целей. Здесь нет других интересов, кроме индивидуальных» [Бьюкенен Дж., 1997. 23 с.].

Таким образом, согласно теории рационального выбора, избиратель решает, прийти ему на выборы или нет, в зависимости от того, как он измеряет выгоду от своего голоса. Избиратель отдает свой голос тому или иному кандидату или партии, если предлагаемые ими программы близки его интересам.

В политической науке теория рационального выбора также нашла применение в «Теореме невозможности», «Принципе медианного избирателя», «Модели формирования коалиций», «Модели распределения власти» и др. Аналогичные подходы используются в социологии для прогноза партийной политики во время голосования: «Теорема сделки», «Модель минимального пространства», «Модель минимально связанной коалиции» и т. д.

По мнению большинства социологов, рациональность есть совокупность форм и методов мыслительной деятельности, опирающихся на рассудок и разум, обуславливающих концептуально-дискурсивное понимание мира. Согласно этому подходу, «разумная» детерминация действия предполагает учет основных аспектов рационального действия:

- а) цели деятельности;
- б) средств деятельности;
- в) предмета деятельности;
- г) обстоятельств деятельности.

Рациональное состоит в таких свойствах социального субъекта, как осмысленность целей и средств, управляемость действиями со стороны самосознания субъекта, соответствие действий перспективным долгосрочным интересам субъекта, их соотносительность с целями, нормами и ценностями других участников социального процесса.

Таким образом, с позиций социальной науки рациональный выбор, в основе которого лежит с одной стороны, логически обоснованное, теоретически осознанное, систематизированное и до определенной степени универсальное знание предмета индивидами, а с другой — императив выгоды, является важнейшим условием поддержания социального равновесия, общественного порядка и стабильности.

Рациональность в социологии признается основной чертой в характеристике целеполагающей социальной активности. При этом актуальным для социологов является вопрос о возможности установления

связи между рациональным индивидуальным поведением и поддержанием социального порядка. Едва ли есть гарантия, что поведение эгоистически ориентированной личности не примет асоциальных форм. Трудно представить себе индивида, делающего выбор в социально неструктурированной, институционально неоформленной среде. Именно поэтому изучение рационального поведения в политике, социологии и управлении имеет чрезвычайно важное значение.

В *философских науках* рациональность (от лат. *ratio* — разум) рассматривается как понятие, характеризующее различные формы активности человека, а также природные и социальные явления с точки зрения их целесообразности, эффективности, гармоничности, предсказуемости, экономии затраченных средств для достижения цели и др. В современной философии выделяют различные типы рациональности (классическая и неклассическая, научная и ненаучная и т. д.), в зависимости от общих представлений о разуме, а также выбранных критериев оценки сознательной активности человека. Тракуемая в самом широком смысле как разумность, рациональность противопоставляется иррациональности (не- и внеразумности). С одной стороны, рациональность в философии рассматривается в качестве *методологического инструмента* анализа, а с другой — выступает как *предмет анализа*. Третий аспект проблемы состоит в том, что рациональность может выступать и в качестве *ценности*. Эти три контекста рассмотрения проблемы влекут за собой как минимум три понимания рациональности [Давыдов Ю. Н., 1996].

Аристотелевский идеал рациональности подразумевал такие характеристики, как доказательность, объяснительность, внутренняя упорядоченность и единство. Идея рациональности как метода принадлежит Р. Декарту, который вводит два основных принципа рациональности — принцип простоты и принцип сомнения (критичности).

И. Кант (1963) исходит из синтеза рассудочной и разумной рациональности. При этом *рассудочная рациональность* оценивается по определенным и достаточно жестким критериям — законам логики и математики, правилам и образцам действия, каузальным схемам, объяснениям, принципам семантики, фундаментальным научным законам и др. *Разумная же рациональность* — это способность оценки и отбора критериев, их обсуждения и критики, которая связана с интеллектуальной интуицией, конструированием, творческим воображением субъекта.

Концепция М. Вебера является точкой отсчета современных споров о рациональности. М. Вебер выделяет два типа рациональности: целевую и ценностную. *Целевая рациональность* характеризуется тем, что

ориентация деятельности осуществляется сообразно цели, при этом рационально взвешиваются и цели, и средства, и побочные последствия. В отличие от этого, *ценностная рациональность* основывается на стремлении к заранее предполагаемым возможным последствиям деятельности. Для нее, по мнению М. Вебера, ориентирами выступают такие понятия, как долг, достоинство, красота, благочестие. Но в человеческой практике, указывает М. Вебер, в конкретной социальной деятельности редко встречается чисто ценностное или чисто целевое рациональное поведение [Вебер М., 1990].

Идея классической рациональности в философии (М. Вебер, П. Сорокин, В. И. Вернадский, П. Т. де Жарден, Э. Гуссерль) основана на утверждении, что *смысл* является исходным принципом любого человеческого действия. В контексте этого признания рациональность предстает как мера осознанности, понятности любого явления. В учении К. Маркса рациональность представлена как деятельность, соответствующая нормам и правилам человеческого общества, как источник порождения социальной, общественной реальности [Маркс К., Энгельс Ф., 1970].

Основоположниками суждения о рациональности как общественно-значимой ценности стали О. Конт, М. Вебер, Э. Дюркгейм. Рассмотрение рационального поведения как поведения, ориентированного на общепринятую систему ценностей, упорядочивающую разнообразие индивидуальных и групповых поведенческих стратегий, является достаточно актуальным в условиях переходного общества.

К. Хюбнер (1994) различает *семантическую, логическую, эмпирическую и нормативную* рациональность. По словам К. Хюбнера, «рациональность выступает всегда в одинаковой форме, а именно: семантически — как тождественное фиксированное правило определенного смыслового содержания; эмпирически — как применение всегда одинаковых правил объяснения; логически и оперативно — как применение расчета; нормативно — как сведение целей и норм к другим целям и нормам» [Хюбнер К., 1994. С. 84].

Касаясь особенностей рассмотрения рациональности в науке, следует упомянуть работы М. К. Мамардашвили, который связывал развитие рационального научного мышления с преодолением человеком своих природных возможностей — его «вторым рождением» [Мамардашвили М. К., 1985].

Современная философская мысль все более склоняется к убеждению в многообразии форм рациональности, их исторической обусловленности, определяемой в значительной мере особенностями эпохи.

Заслуживает внимания и концепция единства рациональности, понимаемая как диалектическое единство многообразных проявлений разума, тем более что сама рациональность имеет целый ряд критериев, ни один из которых не обладает абсолютной значимостью: например, ценностный критерий рациональности не менее актуален, чем критерий логический.

Наиболее ясным и очевидным критерием рациональности принято считать *логичность*: все, что соответствует законам логики, рационально, что не соответствует — не рационально, то, что противоречит логике, — иррационально. Важной характеристикой рациональности выступает *разумность*, которая может быть раскрыта с помощью таких признаков, как целесообразность, эффективность, экономия средств для достижения цели, гармоничность и согласованность элементов, объяснимость на основании причинно-следственных зависимостей, систематичность, успешность, предсказуемость и др.

Э. Гидденс (1995) рассматривает рациональность как особое качество социального действия, а именно — как «рефлексивность», которая должна пониматься не просто, как «самосознание», а как «мониторинг социальной жизни». «Быть рациональным человеком — значит быть целеустремленным актором, у которого есть свои причины действовать так, а не иначе, и который способен осознать эти причины дискурсивно (включая и случаи сознательного их искажения)» [Гидденс Э., 1995. С. 41].

По мнению В. И. Поруса, рациональными следует считать способы поведения и деятельности, или концептуальные схемы, которые могли бы обеспечить продуктивную интеллектуальную и практическую коммуникацию [Порус В. И., 2002].

Подводя итог рассмотренным подходам к исследованию рациональности, развиваемым в социальных и философских науках, следует признать их определенную ограниченность и односторонность, т. к. при анализе рационального поведения не вскрываются внутренние психологические особенности индивида как носителя свойства рациональности. Именно изучение психологических аспектов рационального поведения может помочь в установлении истинных критериев рациональности. Таким образом, мы вплотную подходим к необходимости рассмотрения психологических исследований рациональности.

2.2. Психологические исследования рациональности принятия решений

Очевидно то, что принимая решение, люди не всегда действуют строго рационально. В поведении индивида присутствует и значительный нерациональный компонент, который проявляется в его чувствах, переживаниях, эмоциях и установках. Большое количество психологических исследований служит тому подтверждением.

Отечественный исследователь Н. Ф. Наумова, критически анализируя широко распространенную в теории ПР «целерациональную» модель поведения, отмечает, что значительным недостатком данной модели является отсутствие в ней возможности описания таких человеческих проявлений, как импульсивное и эмоциональное поведение. Н. Ф. Наумова утверждает, что далеко не все поведение целенаправленно и рационально, и указывает на три основных ограничения модели целерационального поведения:

- а) основания цели лежат вне поведения (цели, ценности);
- б) логика целерационального поведения позволяет ориентироваться только в ситуации, которая хорошо известна, когда человек осознает цели и может рассчитывать средства;
- в) целерациональное действие («технически» относясь к средствам, которые оцениваются только по эффективности, но не по содержанию), делает возможной «подмену целей средствами, утрату целей и, в конечном счете — потерю нравственных ориентиров» [Наумова Н. Ф., 1988. С. 29].

По мнению Н. Ф. Наумовой, в распространенных моделях ПР «делаются попытки непротиворечиво воспроизвести процесс, который объективно внутренне противоречив по многим параметрам» [Наумова Н. Ф., 1988. С. 30]. Автор предлагает не столько дополнить или уточнить существующую модель на основании социологических или психологических данных, сколько сформулировать и ретроспективно оценить самые общие предпосылки, лежащие в ее основе.

Американский исследователь Дж. Марч утверждал, что процесс ПР весьма далек от рационально-контролируемого, поскольку не дооценивается случайность, игра, творчество — сложности, сопровождающие выбор. В знаменитой модели «мусорного бака» Дж. Марча решение является результатом взаимной игры между проблемами, их решениями, участниками и выборами [March J., 1979]. По мнению Дж. Марча, рациональная «технология причин» должна быть дополнена «технологией безрассудства». Он пишет: «Встречается множество случаев, где мы должны

действовать до размышления, принимать решения, не имея возможности отчетливо осознавать последствия, что с точки зрения «рационального выбора» является безрассудством». Дж. Марч считает, что люди не должны бояться «играть» с безрассудными альтернативами и несостоятельными возможностями: «Нужно уметь рассматривать цели как гипотезы, допуская их изменение, интуицию — как реальность, притворство — как переходное несоответствие, память — как противника новизны и опыт — не как зафиксированную историю, а как теорию случившегося, которую мы можем изменять, если это поможет нам обучиться. Время от времени люди должны быть безрассудно игривыми внутри собственных «мусорных баков» [March J., 1979. P. 118].

Таким образом, неизбежной является необходимость обратиться к самому индивиду как субъекту рационального действия, к исследованию его психологических свойств и особенностей.

В рамках психоаналитической концепции работа бессознательного представляется как выполняющая рациональную функцию [Фрейд З., 1993]. Основоположник рационально-эмотивной терапии А. Эллис (1971, 1973) полагает, что человек отражает и переживает действительность в зависимости от структуры своего индивидуального сознания. А. Эллис делит системы убеждений (верований) на две основные категории: рациональные верования и иррациональные верования. По мнению автора, в когнитивной сфере человека присутствуют иррациональные установки, и человеческая склонность к совершению ошибок имеет врожденный источник [Ellis A., 1973]. Эллис полагает, что главные виды человеческой нелогичности проявляются фактически в поведении всех людей, независимо от культуры и образовательного уровня. Неспособность людей принимать действительность почти всегда заставляет их проявлять характерные черты эмоционального нарушения душевного равновесия [Ellis A., 1980].

Противопоставление рационального и иррационального компонентов человеческой психики мы находим у К. Г. Юнга: «Человеку рационального типа хотелось бы верить, что он — сам себе хозяин. Но до тех пор, пока он не способен контролировать свои настроения и эмоции, или осознавать мириады скрытых путей, по которым бессознательные факторы вкрадываются в его действия и решения, человек хозяином самого себя не будет. Эти бессознательные факторы обязаны своим существованием автономии архетипов» [Юнг К. Г., 1995. С. 77]. В теории психотипов Юнга «рационал» рассматривается как рассудочный, системно планирующий, ревностно следующий своим планам человек,

инерционный, не склонный как к быстрым переключениям, так и к одновременному учету различных, не связанных один с другим потоков информации. «Рациональное есть разумное, соотносящееся с разумом, соответствующее ему. Я понимаю разум как установку, принцип, который состоит в оформлении мышления, чувства и действия согласно ценностям. Разумная установка, позволяющая нам утверждать объективные ценности как значения, является делом не отдельного субъекта, а предметом истории человечества» [Юнг К. Г., 1995. С. 184].

Иную трактовку рациональности предлагает Э. Фромм: «Я предлагаю рациональными называть любые мысли, чувства или действия, которые способствуют адекватному функционированию и росту целостной системы (частью которой они являются), а все, что имеет тенденцию к ослаблению и разрушению целого, считать иррациональным» [Фромм Э., 1990. С. 230]. Данный подход предлагает в качестве критерия не субъективную шкалу предпочтений, а объективно происходящие в системе изменения — будь то индивид, группа или общество.

В деятельностной концепции развития Л. С. Выготского неосознанные и произвольные состояния сознания обозначаются как «предпонятия», которые по мере созревания человека превращаются в рациональные конструкции сознания, т. е. «понятия». Общий закон развития, по Л. С. Выготскому, состоит в том, что осознание и овладение свойственны только высшей ступени в развитии какой-либо функции. Они возникают поздно, им должна предшествовать стадия неосознанного и произвольного функционирования деятельности сознания. «Чтобы осознать, нужно иметь то, что должно быть осознано. Чтобы овладеть, надо располагать тем, что должно быть подчинено нашей воле» [Выготский Л. С., 1996. С. 216].

Американский психолог Р. Лэнг объясняет феномен субъективной рациональности следующим образом: «Как мы переживаем мир, так мы и действуем. Мы ведем себя в свете нашего взгляда на то, что есть суть, а что не суть. То есть каждая личность — более или менее наивный онтолог. У каждой личности есть свои взгляды на то, что есть, а чего нет» [Лэнг Р., 1995. С. 317].

Умение субъекта осуществлять выбор при дефиците информации и, более того, умение планировать, оставляя в планах или на каких-то этапах стратегий место для неопределенности, также рассматривается рядом исследователей в контексте измерения критериев рациональности ПР [Funke J., Glodovski A-S., 1990; Dörner D., 1992; Gigirentzer G., 1996, 1998 и др.].

Переосмысление рациональности детального планирования произведено немецкими авторами Funke, Glodowski (1990). В частности, ими обоснована оценка нерациональности детального планирования и большей продуктивности планов, если в них остаются незапланированные этапы. В этом случае человек может лучше учитывать внешние изменения ситуации и при реализации планов получает больший простор для мысли, причем именно там, где акт мысли важен именно как совершающийся «здесь и теперь».

Теория рациональных решений К. Г. Ланге опирается на понятие методологической рациональности [Ланге К. Г., 1959]. Чтобы определить, какое действие является оптимальным, нужно знать задачу, точнее информацию, в ней заключенную. Анализ задачи позволяет проверить, какая из альтернатив максимизирует результат ПР. Проанализировав задачу, можно проверить, какое решение удовлетворяет постулатам методологической рациональности (т. е. постулатам последовательности и максимизации).

Исследования субъективного представления задач с риском позволяют взглянуть на понятие рациональности, выделив субъективную рациональность, в которой исходным пунктом оценки является не объективная задача, сформулированная экспериментатором, а субъективное представление испытуемого об этой задаче.

Ю. Козелецким (1989) критерии относительной рациональности рассмотрены применительно к теориям ПР в контексте соотнесения целей — ценностей — средств. Инструментальная рациональность определена соотношением целей и средств. Ей противопоставлена аксиологическая рациональность, фиксирующая степень «разумности» при выборе целей действий. При этом иррациональность как несоответствие принципу максимизации прагматического выигрыша соотносится именно с ценностной регуляцией действий человека.

Все большую значимость в психологических исследованиях рациональности приобретает регуляторная тематика. Исследованием рациональности как регулятивной характеристики процессов ПР занимается отечественный психолог Т. В. Корнилова. По мнению Т. В. Корниловой (1999), рациональность как личностное свойство детерминации принятия решений можно рассматривать в качестве ведущего уровня и компонента в динамических регулятивных системах. Т. В. Корнилова определяет «рациональность» как готовность обдумывать свои решения и действовать при возможно полной ориентировке в ситуации (2003), отмечая, что как свойство дискурсивного мышления наиболее тесно это понятие связано

с реализуемыми субъектом умозаключениями. По мнению Т. В. Корниловой, рациональность как свойство субъекта может характеризовать совершенно различные, в том числе и рискованные решения субъекта, как в поведенческом, так и в познавательном планах. Автор считает, что рациональность имеет в психологии и более узкое значение, чем только готовность к обдумыванию, т. е. мысленному опосредованию своих решений. Соответственно, с этой точки зрения более и менее рациональными могут оказаться субъекты с разной степенью выраженности рефлексивной установки. «Проблема измерения человеческой рациональности предполагает, по существу, возможность измерения логической компетентности субъекта» [Корнилова Т. В., 1994. С. 101].

Как подчеркивает Т. В. Корнилова, готовность субъекта осуществлять выбор при дефиците информации и принятие субъектом определенного риска решений также могут считаться признаками рациональности [Корнилова Т. В., 2003. С. 208].

В исследовании Т. В. Корниловой, О. В. Степаносовой, Е. Л. Григоренко (2006), посвященном интуиции и рациональности в уровне регуляции вербальных прогнозов при ПР, подчеркивается регуляторный аспект рациональности ПР, когда рациональность рассматривается как свойство личностной саморегуляции, взаимодействующее в сложных связующих значениях с личностной готовностью к риску и склонностью избегать ситуаций неопределенности. По мнению исследователей, рациональность интеллектуальных стратегий не смешивается с дискурсивным мышлением или рефлексией (как осознанным метаконтролем стратегий). Существенным критерием рациональности при этом выступает не только поиск информации, но и готовность субъекта к ПР в условиях ее недостаточности. Сама рациональность рассматривается автором как склонность принимать решения на основе тщательного обдумывания и развернутой ориентировки в ситуации. Рациональному принятию решений в данном исследовании противопоставляется интуитивное. Интуицию авторы рассматривают как одну из составляющих личностной регуляции вынесения прогнозов при ПР [Корнилова Т. В., Степаносова О. В., Григоренко Е. Л., 2006].

Отвечая на вопрос, что же находится на противоположном полюсе рациональности, мы находим различные точки зрения исследователей. В целом, можно выделить две основные группы: первая объединяет большинство философских концепций и соционических моделей, считающих, что свойством, противоположным рациональности, является иррациональность (М. Хайдеггер, И. Бриггс, В. Порус), но при этом отсутствует

четкое и конкретное определение того, что следует считать иррациональным. Нерациональность часто рассматривается как отсутствие, либо малая степень выраженности рациональности. Вторая точка зрения заключается в противопоставлении рационального и эмоционального компонентов в поведении субъекта. Согласно этой позиции, аффективная и познавательная сферы психики являются функционально разнонаправленными, и при этом не имеют четкой структурной границы между собой. Предполагая возможную разнонаправленность свойств рациональности и эмоциональности как психологических характеристик ПР, мы считаем необходимым обратиться к более подробному рассмотрению данного вопроса.

2.3. Соотношение категорий рационального и эмоционального в психологии

Вопрос соотношения и взаимодействия эмоций и когниций находится под пристальным вниманием исследователей как в нашей стране (С. Л. Рубинштейн, П. В. Симонов, А. Н. Леонтьев, Л. С. Выготский), так и за рубежом, где на протяжении многих лет выпускается издание «Cognition and Emotion», посвященное детальной разработке вопросов соотношения эмоционально-чувственных и когнитивных процессов.

Традиционно, соотношение эмоционального и рационального рассматривается в связи с аффективной и когнитивно-интеллектуальной сферами человеческой психики. В данном случае психика представляется как функциональная система, состоящая из эмоционально-волевых и интеллектуально-познавательных структур [Damasio, 1994; Вилюнас, 1976]. При этом функционально разнонаправленные, аффективная и познавательная сферы психики структурно не имеют четкой границы между собой. Аффективные компоненты оказываются участниками когнитивных процессов: в качестве «раннего этапа процесса восприятия», «первовидения» [Смирнов С. Д., 1985; Артемьева Е. Ю., 1980]; в качестве низшего/глубинного уровня категоризации [Петренко В. В., 1983, 1988]; в качестве «координаторов» планирования и исполнения когнитивного действия [Oatley, Johnson-Laird, 1987].

Когнитивные операции также «вторгаются» в поле деятельности аффективного в качестве оценки (рефлексии над переживанием) [Изард К. Э., 1999], в качестве посредников «высших», «социальных» эмоций [Шингаров Г. Х., 1971], «интеллектуальных» и «эстетических»

эмоций [Выготский Л. С., 1998], чувства красоты, юмора, «голоса со-вести» [Симонов П. В., 2001].

Л. М. Веккер выделяет «когнитивный компонент» в структуре эмоции, который заключается в психическом отражении объекта эмоции, в отличие от компонента, «в котором воплощено психическое отражение состояний субъекта — носителя эмоции» [Веккер Л. М., 2000. С. 377].

В теории деятельности А. Н. Леонтьева выдвигается положение о том, что «мышление как деятельность имеет аффективную регуляцию, непосредственно выражающую его пристрастность» [Леонтьев А. Н., 1967. С. 21].

О. К. Тихомиров считает, что «решения могут быть волевыми и импульсивными, интеллектуальными и эмоциональными, в зависимости от того, какой психологический процесс доминирует в актах выбора» [Тихомиров О. К., 1976. С. 80]. В этой связи интересно также положение А. В. Запорожца о мотивационно-смысловой ориентировке в механизмах эмоциональной коррекции [Запорожец А. В., 1986].

Р. Познер пишет: «Варианты выбора, какими бы важными они ни были, или, возможно, потому что они так важны, лежат в той области, где решения в своей основе скорее эмоциональны, чем рациональны» [Posner, 1981. 155 p.]. По мнению отечественного исследователя Е. В. Лахманского (1996), ПР осуществляется и регулируется на рационально-осознаваемом и нерационально-интуитивном уровнях психики, а центральным психологическим механизмом ПР является взаимодействие интуитивного и логического в психике человека.

Идея о единстве интеллектуального и эмоционального буквально пронизывает работы С. Л. Рубинштейна (1973). Аффективная и когнитивная жизнь являются неразделимыми, оставаясь в то же время различными, по мнению Ж. Пиаже (1969).

По мнению большинства исследователей, функциональное разделение аффективного и когнитивно-интеллектуального компонентов в психике не лишает их очевидной взаимосвязи и взаимодействия. Л. С. Выготский утверждал существование динамической смысловой системы, представляющей единство аффективных и интеллектуальных процессов [Выготский Л. С., 1934]. В учении Л. С. Выготского мы находим и существенное для исследования проблемы положение «о единстве аффекта и интеллекта». Понимание единства, баланса «аффекта и интеллекта» рассматривалось автором как проявление свободы и права субъекта на выражение эмоциональных переживаний одновременно со способностью осознавать их и управлять ими [Выготский Л. С., 1934. С. 16].

Эмоции в психологической науке рассматриваются как процесс, состояние, реакция, переживание. А. Н. Леонтьев (1975) определяет эмоции как широкий класс процессов внутренней регуляции деятельности. С. Л. Рубинштейн (1989) трактует эмоции как процесс и как переживание. С точки зрения Я. Рейковского (1979), эмоции следует рассматривать как разновидность процессов психической регуляции деятельности. Д. Уотсон (1969) понимает эмоцию как «наследственную шаблонную» реакцию, в которой нет ничего, кроме внутрителесных изменений и внешних выражений. П. М. Якобсон (1960) рассматривает эмоцию как реакцию.

Однако, несмотря на расхождения в определении природы эмоциональных явлений, большинство авторов единодушны в том, что в основе эмоциональных проявлений лежат три компонента:

- а) поведенческие проявления, которые легче всего поддаются объективной оценке, поскольку могут быть легко наблюдаемы со стороны;
- б) физиологические проявления;
- в) субъективные переживания (самый глубоко лежащий компонент, скрытый в психике человека и доступный в восприятии исключительно самому субъекту).

М. К. Мамардашвили, анализируя трактат Р. Декарта «О страстях», трактует страсти (эмоции) как некие «точки интенсивности», которые завязывают и переключают поток нашей жизни, как «полевые состояния», которые не имеют причин в предметах, как избыточные явления, которые есть путь и способ становления человеческого существа. В страстях (любовь, ненависть, гнев), по мнению М. К. Мамардашвили, «заключается своеобразный союз или даже смешение души и тела, осуществляются уникальные состояния, требующие «свободного участия человека», но не вызываемые сознанием и волей. Нельзя, например, волевым усилием взволноваться, нельзя обрадоваться, влюбиться» [Мамардашвили М. К., 1993. С. 323].

Когнитивные теории эмоций, как и теории школы Платона, Аристотеля, Д. Дидро, И. Канта, рассматривают эмоции как следствие когнитивных процессов. М. Арнольд (1960) считает, что эмоция возникает в результате оценивания объекта или ситуации, то есть вследствие моментального формирования знания о предмете, и уже в зависимости от «чувственного суждения», предвосхищения свойства предмета, возникает конкретная эмоция [Arnold M., 1970. 169 p.].

Р. Лазарус (1982) также укладывает свои рассуждения в схему восприятие — оценка — эмоция, однако несколько усложняя ее: восприятие —

первичная оценка — исследовательская активность — личное значение действий в оцениваемой ситуации — вторичная оценка — тенденция к действию — эмоция как проявление тенденции в переживании, физиологических сдвигах и моторных реакциях. Р. Лазарус выделяет три типа эмоционального ответа (проявления эмоций): когнитивный, экспрессивный, инструментальный. Когнитивные ответы есть механизмы защиты (подавление, проекция); под экспрессивными ответами подразумеваются мимические выражения лица; инструментальные включают в себя символы, средства, обычаи [Lazarus R., 1982].

Л. Фестингер (1957) объясняет возникновение отрицательных и положительных эмоций с точки зрения когнитивного диссонанса. Согласно его теории, положительные эмоции возникают как консонанс намеченного, предполагаемого результата с реальным исходом событий. В случае несовпадения когнитивного ожидания и полученного результата возникает диссонанс, что проявляется в негативных эмоциональных переживаниях субъекта.

С. Шехтер (1962) вел свои исследования эмоциональной сферы параллельно с наблюдением физиологических показателей. Висцеральные реакции организма, являющиеся обязательными при возникновении какого-либо эмоционального состояния, определяют лишь его интенсивность, оставляя формирование других параметров за когнитивной сферой. Возникновение эмоций в конкретной ситуации связано с прошлым опытом и оценкой ситуации в настоящий момент. Именно эти факторы определяют знак и модальность эмоции. Данная теория получила название когнитивно-физиологической [Schachter S., Singer J. E., 1962].

Клинические эксперименты Дж. Сингера (1962) были направлены на подтверждение взаимосвязи когнитивной и эмоциональной сфер. По мнению Дж. Сингера, эта взаимосвязь рождается в детском возрасте и выполняет функцию приспособления ребенка к окружающей среде. Исследовательский интерес подкрепляет исследовательскую активность ребенка. Успешные акты приспособления к окружению, в свою очередь, вызывают положительное эмоциональное реагирование (эмоцию радости), не успешные — отрицательное (например, страх). Разновидность когнитивного подхода Дж. Сингера иногда называют когнитивно-аффективной теорией. В совместной работе С. Шехтер и Дж. Сингер писали: «Эмоциональное состояние физиологического возбуждения и соответствующих ему когнитивных факторов взаимосвязаны. Восприятие ситуации и ее интерпретация становятся основой для понимания и обозначения человеком соответствующих чувств. Именно познание определяет, будет ли

состояние физиологического возбуждения обозначено как «гнев», «радость», «страх» или как-то еще» [Schachter S., Singer J. E, 1993. 464 p.].

Взгляд на появление эмоционального переживания вследствие недостатка или избытка информации, необходимой для удовлетворения потребности, лег в основу информационной теории, разработанной П. В. Симоновым (1981). Степень эмоционального напряжения П. В. Симонов определяет по формуле $\text{Э} = \text{П} (\text{Ин} - \text{Ис})$, где Э — эмоция, П — потребность, Ин — информация, необходимая для организации действий по удовлетворению данной потребности, Ис — информация, которой человек владеет в момент возникновения потребности.

В теории дифференциальных эмоций К. Е. Изарда (1980) эмоции рассматриваются не только как основная мотивационная система организма, но и как самостоятельный процесс, влияющий на когнитивную сферу и на поведение человека, как фундаментальные личностные процессы, придающие смысл и значение человеческому существованию.

По мнению А. Н. Леонтьева (1984), эмоциональные явления необходимо рассматривать в системе деятельности: «Эмоции не подчиняют себе деятельность, а являются ее регулятором и «механизмом движения»». Особенность эмоций состоит в том, что они отражают отношение между мотивами (потребностями) и успехом, или возможностью, отвечающей им деятельности субъекта. При этом речь идет не о рефлексии этих отношений, а о непосредственно чувственном их отражении, о переживании.

Эмоции, по Л. М. Веккеру (речь идет о высших эмоциях), непосредственно переживаются субъектом, а также осознаются или осмысливаются. Восприятие эмоций может происходить на двух уровнях:

- на уровне непосредственного восприятия;
- на уровне осмысленного, т. е. опосредованного мышлением и речью восприятия.

В. К. Вилюнас (1976) приходит к выводу, что «эмоции являются теми психологическими образованиями, которые «окрашивают» в образе отражаемое содержание, как бы добавляясь к нему, выражают значимость этого содержания для субъекта (функция оценки) и определяют его к соответствующей деятельности (функция побуждения). Одним из главных феноменологических фактов является предметная отнесенность эмоции, ее обязательная направленность, «адресованность» к некоторой структурной единице познавательного образа. Целостное эмоциональное явление всегда представляет собой единство двух моментов: с одной стороны, некоторого отражаемого предметного содержания, а с другой, — собственно эмоционального переживания,

т. е. той специфической окраски, с которой данное содержание отражается субъектом» [Вилюнас В. К., 1976].

Отечественные исследователи Н. Д. Былкина, Д. В. Люсин (2000) пришли к выводу, что знания о причинах и проявлениях эмоций организованы у субъекта в когнитивные схемы. Одной из важнейших функций когнитивной схемы является ее использование человеком при идентификации эмоций, как чужих, так и своих. Объединяющим ядром схемы является полученное из личного опыта знание о субъективном переживании эмоции. Именно благодаря возникновению этого эмоционального опыта в большинстве случаев человек непосредственно знает, чувствует, какую эмоцию он испытывает.

В интроспективной психологии считается, что субъективное переживание является главным признаком, по которому человек судит о своих эмоциях. У. Джемсом (1991) было определено, что отображение субъектом эмоций может осуществляться на двух уровнях сознания. Во-первых, на уровне непосредственного восприятия, переживания наличия эмоции как таковой. Во-вторых, на уровне категориального (т. е. опосредованного процессом мышления) восприятия — на уровне познаваемого и познающего «Я».

По Ю. М. Орлову (1994), процесс осознания эмоций включает в себя:

- а) определение ситуации, которое происходит благодаря образам и ключевым объектам обстоятельств, характерных для данной эмоции;
- б) типичные и повторяющиеся мысли, активизирующиеся в связи с данной эмоцией, понимание того, почему сложилась данная ситуация;
- в) осознание тех действий, которые включаются в переживание эмоции в качестве способов разрешения аффективного состояния, сопровождающего эмоцию.

В. И. Шаховский (1995) также утверждает, что эмоции осознаются, вербально перерабатываются и категоризируются личностью. Согласно Н. В. Витт (1991), возможно существование как актуально, так и ретроспективно осознаваемых эмоциональных переживаний. При этом они могут получать адекватное речевое описание. С точки зрения А. Ш. Тхостова, И. Г. Колымба (1999), аффект выступает как неуправляемое (непроизвольное), зачастую беспредметное переживание. В нем феноменологические и вегетативные проявления недоступны интроспективному расчленению, непосредственны и неуправляемы. В отличие от аффекта, целостная зрелая эмоция доступна опосредованной рефлексии и регуляции.

Согласно Ф. Перлзу (1998), эмоции доступны осознанию, и человеку необходимо стремиться к углублению сознания своих эмоций.

Л. Я. Дорфман (1989) признает, что эмоции могут существовать в когнициях, отображаться субъектом на когнитивном уровне. Вводя понятие «эмоциональная ткань», автор утверждает, что она может принимать психосоматические и когнитивные, чувственные (непосредственные) и идеальные (опосредованные) формы существования. Переживание и знание предстают, по мнению В. К. Вилюнаса (1990), как форма и содержание психического образа, его реальное и идеальное существование. Эмоции, по Л. М. Веккеру (2000), имеют двухкомпонентную структуру: психическое отражение объекта эмоции и психическое отражение состояний ее субъекта-носителя.

По мнению А. Н. Леонтьева, переживания объекта, «чувственные впечатления внешней реальности» реализуются через «чувственную ткань», а переживание субъектом своего отношения к объекту относительно своих потребностей и ценностей реализуется в личностном смысле. Оба вида чувственности слиты в единое интегральное равнодействующее переживание [Леонтьев А. Н., 1975].

Таким образом, в контексте исследования категории «эмоциональное» можно выделить два основных понятия: чувственное переживание, сопутствующее любому психическому отражению, и эмоционально-аффективное, развивающееся из чувств и слитное с ними переживание субъективного отношения к объекту, его значимости, или вытекающее из личностного смысла. Для обеих разновидностей эмоционально-чувственного состояния характерны неосознанность, переживаемость, непосредственность.

В рамках категории «рациональное» можно говорить о сознательном, опосредованном мышлении и регулируемом субъектом отражении объекта. Уточнив аспекты различий между категориями эмоционального и рационального, в данном исследовании мы будем рассматривать их в рамках единой и целостной системы психического.

Проведенный анализ понятия рациональности, основных моделей и концепций рациональности в междисциплинарном аспекте, а также неоднозначности соотношения характеристик рациональности и эмоциональности в контексте ПР, позволил сделать вывод о необходимости подробно исследовать именно психологический аспект данного феномена, и, в частности, выделить основные личностные, регуляторные и когнитивные детерминанты индивидуальной рациональности ПР.

Глава 3. РЕГУЛЯТОРНЫЕ, КОГНИТИВНЫЕ И ЛИЧНОСТНЫЕ АСПЕКТЫ ПРИНЯТИЯ РЕШЕНИЙ

Принятие решений может опосредствоваться различными психическими процессами: эмоциями, памятью, мышлением, волей и т. д. При постановке проблемы ПР в связи с исследованиями данных процессов формулируется один из наиболее острых, но не решенных вопросов: в каких соотношениях с ними находится процесс ПР; обладает ли он специфическим процессуальным содержанием или может быть сведен к содержанию реализующих его процессов? Данный вопрос, по мнению А. В. Карпова, имеет принципиальное значение, так как от него зависит общая трактовка ПР как относительно самостоятельного образования, обладающего специфичностью содержания и статуса, либо как образования, сводимого к содержанию иных процессов. Существование данной проблемы выдвигает весьма актуальный вопрос об исследовании механизмов и средств интеграции основных психических процессов в составе ПР [Карпов А. В., 1998]. А. В. Карповым сформулирована концепция генезиса процессов ПР, в которой автор вплотную подходит к идее рассмотрения ПР как механизма регуляции деятельности (1998). А. В. Карповым отмечается, что функция ПР «кристаллизуется» в специфических образованиях — структурах индивидуальных качеств, влияющих на индивидуально-стилевые различия процессов выбора (2003).

В данном исследовании ПР рассматривается нами в рамках концепции психологической активности субъекта ПР — активации им интеллектуальных, личностных и регуляторных усилий при ПР. В этом разделе будут рассмотрены существующие когнитивные, личностные и регуляторные подходы к проблеме принятия решений.

3.1. Когнитивный подход к принятию решений

Не вызывает сомнения, что принятие решений есть прежде всего специфический акт ментальной деятельности, активизирующий когнитивные функции лица, принимающего решение. Многими исследователями признается, что такие особенности мышления, как способность к целенаправленному многоуровневому абстрактному

отражению действительности, способность к классификации и другие являются факторами, опосредствующими ПР. Сначала представление о ПР связывалось с относительно простыми процессами — опознанием, идентификацией, поиском сигнала в шуме, кодированием и пр. Селекция, отбор, выбор (информации, критериев, эталонов, схем и т. п.) описывались как результат сравнения, взвешивания, оценки, т. е. как результат выбора.

В 70–80-е годы за рубежом проблема ПР стала изучаться в рамках когнитивной науки. В работах Г. Саймона, Р. Джонсона-Лейерда, В. Кинча процесс ПР трактовался как процесс восприятия, селекции информации и осуществления семантического вывода.

В отечественной и зарубежной психологии модели ПР развивались преимущественно по схеме выдвигания в качестве главного одного из мыслительных процессов — от вероятностного прогнозирования до надситуативной активности личности; от процессов ПР как распознавания образов или решений классификационных задач до процессов мысленного переструктурирования ситуации выбора [Гульдман В. В., 1978; Мазганник В. Д., 1997; Кочетков Е. П., Скотникова И. Г., 1993; Кудрявцев В. Т., 1997; Петровский В. А., 1992; Иванников В. А., Фрейнберг И. М., 1978 и др.].

Исследования внешних и внутренних детерминант интеллектуальных стратегий стали связующим звеном между исследованиями мышления как процессов решения задач [Брушлинский А. В., 1979, 1996; Матюшкин А. М., 1982; Тихомиров О. К., 1984 и др.] и регуляции выборов субъекта как принятия интеллектуальных решений [Корнилова Т. В., 2001].

В классификации О. К. Тихомирова (1976) виды ПР (как опосредованные мышлением) отделены от иных процессуальных форм психологической регуляции выбора субъекта (эмоциональной, волевой регуляции и т. д.).

Особое направление исследований связано с рассмотрением ПР в контексте интеллектуальной деятельности отечественным исследователем Т. В. Корниловой. В работах Т. В. Корниловой представлены методологические основания и детальное рассмотрение ПР в мышлении [Корнилова Т. В., 1999–2003].

Р. Стернберг утверждал синонимичность понятий ПР и практического мышления: в отличие от теоретического мышления, целью практического интеллекта исследователь считал выбор в житейской ситуации (1985).

Известную роль в понимании особенностей ПР в операторской деятельности сыграла концепция внешних и внутренних средств деятельности В. П. Зинченко. Развитие данной концепции привело к уточнению понимания места ПР в деятельности оператора. Предположение об обусловленности ПР предшествующими стадиями информационной подготовки решения, согласно В. П. Зинченко, позволило расширить представление о ПР как способности человека формировать последовательность целесообразных действий, непосредственно связываемой с переработкой информации [Зинченко В. П., 1974].

Память и организация материала при ПР — предмет исследования различных областей психологической науки: психофизики, инженерной, общей и когнитивной психологии — в рамках изучения таких видов ПР, как решение задач, логика умозаключений, обнаружение сигнала, узнавание, опознание. Например, модель памяти Д. Нормана описывает процесс опознания предъявленных речевых и зрительных знаков на основе эталонов долговременной памяти, а извлечение эталонов — на основе определенных критериев, задаваемых ситуацией или целями решающего индивида [Линдсей, Норманн Д., 1974].

Распространенными являются исследования мышления при ПР в рамках проблемы решения задач (А. В. Брушлинский, П. Я. Гальперин, Л. Л. Гурова, В. В. Давыдов, А. Н. Леонтьев, А. М. Матюшкин, Е. И. Машбиц, Я. А. Пономарев, И. М. Роговин, С. Л. Рубинштейн, П. А. Шеварев, С. Г. Якобсон, Д. Н. Завалишина, Е. В. Конева, Ю. К. Корнилов, Т. В. Кудрявцев, Н. Н. Мехтиханова, В. Н. Пушкин, А. В. Панкратов, А. В. Родионов, В. В. Чебышева и др.). В этих исследованиях была выделена динамика соотношения процессов анализа, синтеза, абстракции и обобщения на различных этапах решения, проанализированы различия в способах решения и основные причины затруднений, установлены осознаваемые и неосознаваемые компоненты решения. Ближе всего к исследованию познавательных стратегий подошли исследователи, анализировавшие ПР в задачах на классификацию [Мазганник, 1997]. В работах Д. Н. Завалишиной, Е. В. Коневой, Г. Б. Мазиловой, А. М. Матюшкина, М. П. Егорова, В. Д. Шадрикова описываются проявления оценивания в мышлении при ПР.

Г. Б. Мазилова (1991), например, считает, что каждый элемент ситуации субъект рассматривает как набор определенных качеств, множество переменных величин. Субъект мышления и ПР изначально, принципиально включен в осмысливаемую им ситуацию со всеми

своими индивидуальными, личностными, субъектными свойствами. Поэтому процесс мышления и ПР неотделим от свойств субъекта.

Также были сделаны попытки описать процесс решения с точки зрения формальной логики и математики (Л. Н. Ланда, В. Н. Пушкин, О. К. Тихомиров, Л. М. Фридман). Теоретическая работа развернулась вокруг раскрытия содержания понятий «способ», «операция», «прием», «метод», «процедура» и т. д. Известны примеры конструирования специальных познавательных задач (М. Н. Скаткин, И. Я. Лернер), разработки понятия «проблемной ситуации» при решении задачи (В. Окунь, А. М. Матюшкин, Д. Б. Богоявленская и др.).

В общей психологии разработана и успешно применяется схема мыслительного процесса, начальной точкой которого является проблемная ситуация (С. Л. Рубинштейн, А. В. Брушлинский, Л. Л. Гурова, К. А. Славская и др.), специальное изучение проблемной ситуации проведено А. М. Матюшкиным.

Исследования мышления при решении задач и ПР привели к выработке модифицированной схемы мыслительного процесса, в которой проблемная ситуация является вторым этапом мыслительного процесса, начинающегося с описанной Ю. К. Корниловым, Е. В. Коневой «стимульной ситуации». Этими авторами разработана следующая последовательность «зарождения и развития мыслительного процесса в практической деятельности»: возникновение стимульной ситуации — возникновение проблемной ситуации — сбор информации и построение мыслительной задачи — поиск и выработка решения — реализация решения [Корнилов Ю. К., Конева Е. В., 1991].

Психологическим инструментом для ПР, по мнению Т. В. Башаевой (2004), являются когнитивные способности, организованные в целостную динамическую структуру, имеющую индивидуальные особенности.

В работах О. И. Ларичева, Е. М. Мошкович (1996), В. Н. Цыгичко (1996) рассматриваются неполнота и противоречивость информационной подготовки как негативные факторы ПР.

Когнитивные аспекты понимания и познания представлены в широком спектре работ проф. А. А. Брудного (1980–2006). Понимание как компонент мышления и межличностного восприятия рассматривается в исследованиях В. В. Знакова (2005).

Уровни мышления и их мотивации, выделенные в концепциях Д. Б. Богоявленской (1983), А. М. Матюшкина (1982), Я. А. Пономарева (1996), О. К. Тихомирова (1977), И. Н. Семенова (1983), Э. Д. Телегина,

Т. Г. Богданова (1976), также могут быть рассмотрены в качестве предпосылок когнитивного подхода к ПР.

Важно отметить общие методологические разработки принципа активности познания, предполагающего функциональную роль «образа мира» в отношении к структурам индивидуального сознания [Леонтьев А. Н., 1975; Смирнов С. Д., 1985; Петренко В. Ф., 1997]. Введенное А. Н. Леонтьевым понятие «образ мира», связанное с понятием деятельности, явилось основой направления исследования субъективного опыта, получившего название психосемантического подхода (Е. Ю. Артемьева, Т. Н. Козлова, В. Ф. Петренко, Ю. К. Стрелков, В. П. Серкин), в котором ставится задача соотнесения субъективного опыта с понятиями текущей деятельности.

В этом контексте важно упомянуть исследования связи мышления с вербализацией в работах Н. Н. Мехтихановой, В. Д. Шадрикова, В. Вагнера, Р. Стернберга, и психосемантические исследования мышления (Е. Ю. Артемьева, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелев, А. А. Леонтьев и др.).

Исследования зарубежных ученых доказывают, что логическая компетентность и субъективная уверенность также могут быть рассмотрены как интеллектуальные факторы ПР [Политцер Г., Жорж К., 1996; Дернер Д., 1997; Cohen L. J., 1991; Kuhberger A., Gigerenzer G., 1996].

Г. Гигеренцером (1996, 1998) были предложены модельный подход и экспериментальные схемы для изучения логической компетентности и психологической рациональности.

Проблема выбора и принятия субъектом решений рассматривалась также в теориях когнитивного диссонанса. Л. Брем [Brehm, 1956] предполагал, что при выборе из нескольких возможностей индивид будет испытывать когнитивный диссонанс, так как ему всегда желательно иметь в запасе больше одной альтернативы. В результате своих экспериментов Л. Брем обнаружил паттерн редукции диссонанса: когда выбор из ряда возможностей уже осуществлен, он начинает казаться индивиду более правильным и предпочтительным, чем раньше, а отвергнутые возможности индивид стремиться обесценить.

Дж. Аронсон так объясняет лежащий в основе феномена ПР когнитивный процесс: «Принятие решения продуцирует диссонанс: когниции, касающиеся негативных аспектов выбранного объекта, диссонируют с фактом его выбора, а когниции, касающиеся позитивных аспектов невыбранного объекта, диссонируют с фактом его отвержения. Чтобы уменьшить диссонанс, люди подчеркивают позитивные атрибуты выбранного объекта, игнорируя негативные, и подчеркивают негативные атрибуты